

ДИСПЕТЧЕРСКАЯ

ИЛЬДАР ГРОМОВ

Ильдар Громов

Диспетчерская. Фотография

<https://litres.ru/74602679>

SelfPub; 2026

Аннотация

Третья книга серии. История о том, что память живёт не в голове, а в теле. Что забыть — не значит не знать. И что иногда, чтобы вспомнить, нужно сперва решиться.

Содержание

Глава 1. Гул	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Ильдар Громов

Диспетчерская.

Фотография

Глава 1. Гул

Она проснулась в шесть. Сама. Без будильника. Тело знало. Двадцать два года — и тело знало лучше головы.

В квартире было тихо. Бабушка ещё спала. Лиза слышала её дыхание через стену — ровное, тяжёлое, с присвистом. Она всегда так дышала. Лиза привыкла. Как привыкают к тиканью часов или к шуму дождя по жестяному откосу. Она не замечала этого, пока не стало тихо. А потом — замечала всегда.

Она встала. Надела халат. Старый, синий, в мелкий цветочек, который давно превратился в серую пыль. Сунула ноги в тапочки — войлочные, разношенные, с вылезшими нитками. Прошла на кухню. Половицы скрипели. Она знала, какие скрипят, а какие нет. Третья от двери — молчала. Пятая — стонала. Она наступала на них по-особому. Как училась годами.

Чайник. Чашка. Ложка. Каждое утро одно и то же. Вода закипела, чайник щёлкнул, она налила кипятка. Зелёный

чай. Без сахара. Чашку поставила на вторую полку. Не на первую. Не на третью. На вторую.

Она села за стол. Посмотрела в окно.

Двор был пустой. Только дворник — таджик, имени она не знала, — мел дорожку. Метла шаркала по асфальту. Звук был ровный. Как метроном. Она смотрела на его спину — согнутую, в оранжевом жилете, который был ему велик. Он работал медленно. Как будто ему некуда было спешить.

Она пила чай и слушала. Чай был горячий. Обжигал язык. Она пила маленькими глотками. Смотрела, как пар поднимается над чашкой. Как тает в воздухе. Как исчезает.

Под полом гудело.

Она не помнила, когда это началось. Может, всегда. Может, в детстве. Гул был низкий, ровный, как будто где-то далеко работал трансформатор. Или — как будто кто-то дышал. Она не думала об этом. Это было частью дома. Как скрип ступеней. Как запах сырости в подъезде. Как герань на подоконнике между этажами. Как трещина в стене у лифта, похожая на реку. Как лампочка в подъезде, которая всегда мигала, но никогда не перегорала.

Она допила чай. Помыла чашку. Поставила на сушилку. Ручкой влево. Она всегда ставила ручкой влево.

Потом пошла одеваться.

Джинсы. Свитер. Носки — серые, с дыркой на пятке. Она надела их, не глядя. Знала, что дырка есть. Знала, что не зашьёт. Как знала, что забудет про неё, как только наденет

кроссовки.

В фотоателье пахло фиксажем. И пылью. И чем-то ещё — старым деревом, что ли. Лиза работала здесь по вечерам. И по утрам, если не было пар. Сегодня была среда. Пары начались в одиннадцать. Значит, у неё было два часа.

Она открыла мастерскую. Включила красный свет. На столе лежали негативы. Чужие. Из архива. Старые. Она должна была восстановить их к пятнице.

Она села. Надела перчатки. Взяла первый негатив.

Женщина. Молодая. В платье. У дерева. Улыбается. Плёнка выцвела, но лицо читалось. Лиза посмотрела. Отложила. Взяла второй.

Мужчина. С усами. В костюме. Смотрит в камеру. Серьёзно. Посмотрела. Отложила.

Третий. Ребёнок. Мальчик. Лет пять. С мячом. Смеётся. Лиза смотрела на него дольше, чем на первых двух. Потом отложила.

Она не думала о них. Она просто видела. Свет. Тени. Зерно. Она знала, как это чинить. Как убрать царапины. Как вернуть контраст. Это была работа. Хорошая работа. Чистая.

Она работала два часа. Ни разу не подняла головы. Когда закончила — посмотрела на часы. Пора на пары.

Сняла перчатки. Выключила свет. Закрыла мастерскую. Вышла.

На улице было серо. Северный город. Ветер. Она подняла воротник. Пошла к остановке.

Домой вернулась в семь. Бабушка сидела на кухне. С чашкой. Перед ней — телевизор. Он что-то говорил. Бабушка не слушала. Она смотрела в стену.

— Привет, — сказала Лиза.

— А. Пришла.

Лиза сняла куртку. Повесила на крючок. Прошла на кухню. Поставила чайник.

— Как дела? — спросила бабушка.

— Нормально.

— Нормально — это хорошо.

Она снова посмотрела в стену. Лиза села напротив. Взяла чашку. Поставила на вторую полку. Потом села.

— Ба, — сказала она.

— М?

— Я вчера книгу взяла. В библиотеке. Про память. Там написано, что дети иногда забывают травму. Это правда?

Бабушка посмотрела на неё. Долго. Потом — отвела глаза.

— Не знаю, — сказала она. — Я не психолог.

— Я просто спросила.

— А. Ну да.

Она встала. Поставила чашку в раковину. Не помыла. Просто поставила.

— Я спать, — сказала она. — Устала.

Она ушла. Лиза осталась на кухне. Одна.

Под полом гудело.

Она слушала. Долго. Потом встала. Помыла бабушкину

чашку. Поставила на сушку. Ручкой влево.

И пошла спать.

Ночью она проснулась. Не от шума. От тишины. Гул прекратился.

Она лежала. Слушала. Ничего. Только бабушкино дыхание за стеной. Ровное. С присвистом.

Она лежала и ждала. Минуту. Две. Пять.

Гул не возвращался.

И тогда — она не поняла, почему, — ей стало страшно. Не от тишины. От того, что она **не знает**, почему гул прекратился. И от того, что она **впервые** об этом подумала.

Она встала. Прошла на кухню. Налила воды. Выпила. Посмотрела в окно.

Двор был пустой. Та же машина под фонарём. Чья-то. Она не знала, чья.

Она вернулась в спальню. Легла.

Гул не вернулся до утра.

А утром, когда она проснулась, первое, что она сделала, — прислушалась.

Тишина.

Она встала. Пошла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.